

N

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

ЛЕРМОНТОВ

БОРОДИНО

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Бородино : [сборник] / Михаил Юрьевич Лермонтов // АСТ, Москва, 2016
ISBN: 978-5-17-094618-1
FB2: "On84ly", 2016-02-25, version 1.0
UUID: 5ce44104-dba6-11e5-8f72-0cc47a1952f2
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Юрьевич Лермонтов

Бородино (сборник) (Эксклюзив: Русская классика)

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» – эти слова из лермонтовского «Бородино» знакомы каждому со школьной скамьи. С них поколение за поколением вот уже почти два века начинается знакомство с творчеством Лермонтова. Помимо стихотворений в данный сборник вошли также романтические поэмы «Мцыри», «Демон» и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

#1	0005
Стихотворения	0006
1828	0006
1829	0007
1830	0025
1831	0066
1830–1831	0103
1832	0109
1836	0119
1837	0122
1838	0137
1839	0145
1840	0158
1841	0186
Поэмы	0209
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	0209
Демон (Восточная повесть)	0237
Мцыри	0282

Михаил Лермонтов Бородино (сборник)

© ООО «Издательство АСТ», 2016
* * *

Стихотворения

1828

Поэт

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.*

*Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.*

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смы-
каясь, взор
Без цели бродит вокруг, прошедших
дней укор
Когда зовет меня, невольно,
к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь
мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится
в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!..
Люблю!
Твержу забывшись им. Но, полный
весь тоскою
Неверной девы лик мелькает пре-
до мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий
миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей
среди небес!
Но я тебя молю, мой неизменный
Гений:
Дай раз еще любить! дай жаром
вдохновений

Согреться миг один, последний,
и тогда
Пускай остынет пыл сердечный
навсегда.
Но прежде там, где вы, души мо-
ей царицы,
Промчится звук моей задумчивой
целницы!
Молю тебя, молю, хранитель
мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой
золотой
Повесь и начерти: здесь жили
вдохновенья!
Певец знавал любви живые упое-
нья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!.....

.....
.....
Но ты забыла, друг! когда порой
ночной
Мы на балконе там сидели.
Как немой,
Смотрел я на тебя с обычной пе-
чалью.
Не помнишь ты тот миг, как я,
под длинной шалью

Сокрывши голову, на грудь твою
склонял –
И был ответом вздох, твою я ру-
ку жал –
И был ответом взгляд и страст-
ный и стыдливый!
И месяц был один свидетель мол-
чаливый
Последних и невинных радостей
моих!..
Их пламень на груди моей давно
затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел
разлуки,
Как я почти забыл и радости
и муки,
Желаешь ты опять привлечь ме-
ня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь
судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих вос-
торгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою укра-
сит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неиз-
меримых стран,
Где стелется эфир, как вечный
океан,

И совесть чистая с беспечностью
драгою,
Хранители души, останьтесь век
со мною!
И будет мне луны любезен том-
ный свет,
Как смутный памятник прошед-
ших, милых лет!..

Письмо

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо
мною,
И много в грудь теснилось – и ты
Напрасно чашу мне несла здоро-
вья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! – Но вот одно же-
ланье:
Приди ко мне, приди в послед-
ний раз,
Чтоб усладить предсмертное
страданье,
Чтоб потушить огонь сомкну-
тых глаз,

Чтоб сжать мою хладящую ру-
ку...

Далеко ты! не слышишь го-
лос мой!

Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих пе-
чальных

Откроется... прочтешь его... то-
гда,

Быть может, я, при песнях погреб-
бальных,

Сойду в мой дом подземный наве-
гда!..

Но ты не плачь: мы ближе друг
от друга,

Мой дух всегда готов к тебе ле-
тать

Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лоб-
зать...

Настанет ночь; приедешь из со-
бранья

И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар ды-
ханья

Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственные ла-

ниты,
К груди молодой прильнет без-
вестный дух,
И над головой мелькнет призрак
забытый,
И звук влетит в твой удивленный
слух.

Узнай в тот миг, что это я
из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный
удел!..

Когда ж в санях, в блистатель-
ном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом стра-
данье
Стоит гусар безмолвен, мра-
чен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце заки-
пит,
И ты вздохнешь, гусара взор за-
тмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного метал-
ла,

Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш наве-
ла!..

Ах! много, много я сказать же-
лаю;

Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти под-
ступаю,

И – падает перо из слабых рук...

Прости!.. Я бегал за лучами сла-
вы,

Несчастливо, но пламенно любил,

Всё изменило мне, везде отравы,

Лишь лиры звук мне неизме-
нен был!..

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой
Где дикий памятник небрежно по-
ложен,

В сырой земле и в яме неглубо-
кой –

Там спит герой, друзья! –
Наполеон!..

Вещают так и камень одино-
кой,

И дуб возвышанный, и волн при-

брежний стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров

По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.

Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,

Он арфу взял, запел, ударил
в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,

Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? не здесь ли звук мечей

Гремел, носился глас его священный?

Нет! рок хотел отсюда удалить

И честолубие, и кровь, и гул военный;

А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его
хранить!

Зачем он так за славою гонял-

ся?

Для чести счастье презирал?

С невинными народами сражался?

И скипетром стальным короны разбивал?

Зачем шутил граждан спокойных кровью,

Презрел и дружбой и любовью

И пред Творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,

Почти весь свет кричал: ура!

При визге бурного ядра

Уже он был готов – но... воин дерзновенный!..

Творец смешал неколебимый ум,

Ты побежден московскими стенами...

Бежал!.. и скрыл за дальними морями

Следы печальные твоих высоких дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,

Ты здесь безвременно погас:

Покоен ты; и в тихий утра час,

Как над тобой порхнет зефир ве-
сенний,
Безвестный гость, дубравный со-
ловей,
Порою издает томительные
звуки,
В них слышны: слава прежних
дней,
И голос нег, и голос муки!..
Когда уже едва свет дневный
отражен
Кристалльною играющей вол-
ною
И гаснет день: усталою сто-
пою
Идет рыбацк брeгов на тихий
склон,
Несведущий, безмолвно попира-
ет,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забы-
тый истлевает,
Не перестав простую песню
петь...»

.....
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи за-
бежала...

Умолк певец. Струится в жи-

лах хлад;

Он тайным ужасом объят...

И струны лопнули... и тень ему
предстала:

«Умолкни, о певец! – спеши от-
сюда прочь,

С хвалой иль язвою упрека:

Мне всё равно; в могиле вечно
ночь. –

Там нет ни почестей, ни счастья,
ни рока!

Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие по-
томки:

Я презрю песнопенья громки; –
Я выше и похвал, и славы, и лю-
дей!..»

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый,
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, –
Взор девы сердце приковал;

*И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних
скал...*

*Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.*

Ответ

*Кто муки знал когда-нибудь,
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лес-
ной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас – и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, –
На нем печать оставил рок.*

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,

В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же? –
Скрываются красы как тень.
О Боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...
Но армянин открыл коварность.
Измену и неблагодарность
Как перенести!

Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! –
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетев-
ших
Стоит его недвижимый трон;
На нем, среди ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,

Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пусто-
го сна.
Не буду я счастливым близ пре-
красной;
Но ты меня не спрашивай напрас-
но:
Ты, друг, узнать не должен,
кто она.
Навек мы с ней разлучены судь-
бою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож крова-
вый!..
Стремится медленно толпа лю-
дей,
До гроба самого от самой колы-
бели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой це-
ли.
И я к высокому в порыве дум жи-

вых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставляю их...

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображение,
Мной игры младости любимы
быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей

Мне кровь, угасшую от грусти,
от страданий,
От преждевременных стра-
стей!..

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не мо-
жем?
Мы, дети севера, как здешние рас-
тенья,
Цветем недолго, быстро увяда-
ем...
Как солнце зимнее на сером небо-
склоне,
Так пасмурна жизнь наша.
Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоску-
ет...
Не зная ни любви, ни дружбы
сладкой,
Средь бурь пустых томится

юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни ча-
ша;
И уж ничто души не веселит.

Молитва

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могиль-
ный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,

*Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.*

1830

«Один среди людского шума...»

*Один среди людского шума
Взрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.*

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,

О южные горы, отторгнут
от вас,
Чтоб вечно их помнить, там на-
до быть раз:
Как сладкую песню отчизны мо-
ей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать по-
терял.
Но мнилось, что в розовый вече-
ра час
Та степь повторяла мне памят-
ный глас.
За это люблю я вершины тех
скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущел-
лия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую
по вас.
Там видел я пару божественных
глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот
взор:
Люблю я Кавказ!..

Н. Ф. И...вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливыцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страст-
ми;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослеплен-
ный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,

*Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,*

*К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам Бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.*

*Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.*

К приятелю

*Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет*

Надеждам прежним так легко;
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.

Ночь. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б
яснее
Весь мир – но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное простран-
ство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не мог-
ло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целья природы,

Боролися – и ни один из них
Не мог назваться побежденным.
Страх
Припомнить жизни гнусные дея-
нья
Иль о добре свершенном возгор-
диться
Мешал мне мыслить; и летел, ле-
тел я
Далеко без желания и цели –
И встретился мне светозарный
ангел;
И так, сверкнувши взором,
мне сказал:
«Сын праха – ты грешил – и нака-
занье
Должно тебя постигнуть,
как других;
Спустишь на землю – где твой
труп
Зарыт; ступай и там живи,
и жди,
Пока придет Спаситель – и мо-
лись...
Молись – страдай... и выстрадай
прощенье...»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,

И боль душевных ран, на крат-
кий миг

Лишь заглушенная боязнью, с но-
вой силой

Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно
прежде,

Я чувствовал один холодный тре-
пет

Досады горькой – и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, – воспоминанье

В меня впилося когтями, – я
вздыхнул,

Так глубоко, как только может
мертвый, –

И полетел к своей могиле. Ах!

Как беден тот, кто видит нако-
нец

Свое ничтожество и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он, –
На воздух разлетелось...

И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, – и там
остался я;

Здесь кость была уже видна –
здесь мясо
Кусками синее висело – жи-
лы там
Я примечал с засохшею в них кро-
вью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин
глаз,
То вновь скрывался в безобразный
череп,
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на ги-
бель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки, –
И я помочь ему желал – но тщет-
но –
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем – и черви умножа-
лись;
Они дрались за пищу оставшую
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости – и они исчезли;

*В гробу был прах... и больше ниче-
го...*

*Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бранные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал зем-
ных*

*Блаженств, чтоб хоть одну – од-
ну минуту*

*Почувствовать в них теплоту. –
Напрасно,*

*Они остались хладны – хладны –
как презренье!..*

*Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех
людей, –*

*И мне блеснула мысль (творе-
нье ада):*

*Что если время совершит свой
круг*

*И погрузится в вечность невоз-
вратно,*

*И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить ме-
ня?*

*И я хотел изречь хулы на небо –
Хотел сказать...*

Но голос замер мой – и я проснул-

ся.

Ночь. II

Погаснул день! – и тьма ночная
своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись
и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась на-
ша;
На ней, спокойствием объятой
тихим,
Уснуло всё – и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полу-
светом,
Меж радостью и горестью среди-
ной,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада Скелет неизмери-
мый
По мрачным сводам начал подни-
маться
И звезды заслонил собою...

И целые миры пред ним уничто-
жились,
И всё трещало под его шагами, –
Ничтожество за ними остава-
лось –
И вот приблизился к земному ша-
ру
Гигант всесильный – всё на ней
уснуло,
Ничто встревожиться не мысли-
ло – единый,
Единый смертный видел,
что не дай бог
Созданию живому видеть...
И вот он поднял костяные руки –
И в каждой он держал по челове-
ку,
Дрожащему – и мне они знакомы
были –
И кинул взор на них я – и запла-
кал!
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал – я здесь:
я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..

Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их...
Один из них погибнет. – Позволю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь –
И их нигде, нигде вторично не увидишь –
Знай, как исчезнет время,
так и люди,
Его рожденье – только Бог лишь вечен...
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться
из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба!
оба!..
Я верю: нет свиданья – нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание.

Ах! – и меня возьми, земного чер-
вя –
И землю раздоби, гнездо развра-
та,
Безумства и печали!..
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего – кроме
рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жиз-
ни,
Где нет надежд – и всюду опасе-
нья.
Да гибнут же друзья мои, да гиб-
нут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили – их не ста-
ло –
Не стало даже призраков и те-
ней...
Туманом облачился образ смер-
ти,
И – так пошел на север. Долго,
долго,

Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась мо-
литься!..

Наполеон

(Дума)

В неверный час, меж днем и тем-
нотой,
Когда туман синее над водой,
В час грешных дум, видений, тайн
и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей об-
раз там,
На берегу, склонивши взор к вол-
нам.
Стоит вблизи нагбенного кре-
ста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышен-
ным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы
бьют;
Как легкие ветрилы, облака

Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брез-
жит день;
Там Франция! – там край ее род-
ной
И славы след, быть может скры-
тый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший
друг.
Опасный ты, но чудный, мощный
звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный
в морях,
Где сгнил его и червем съеден
прах,
Где он страдал, покинут от дру-
зей,
Презрев судьбу с гордыней преж-
них дней,
Где ставал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав кре-
стом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящийся сла-
бый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон
прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце про-
никал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шля-
пой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул
в струях...
Призрака нет, всё пусто на ска-
лах.

Нередко внемлет житель сих бре-
гов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гре-
мит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж
скал.
Один пловец, как ни был страх ве-
лик,

Мог различить недвижный смуг-
лый лик,
Под шляпою, с нахмуренным че-
лом,
И две руки, сложенные крестом.

Стансы

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забы-
тый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою.
И если о любви пою –
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

*Мне скучно в день, мне скучно
в ночь.*

*Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье. –*

*На светлый запад удалюсь,
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь –
Никто о мне не пожалеет!..*

*Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, – и провиденье
Заплатит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.*

Отрывок

*На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?*

*Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.*

Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.

Ему поверил я – и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный
цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятна-
дцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь – на весь ничтожный
плод –
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может,
смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем,
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторо-
нам.

Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существом.

Не будут проклипать они;
Меж них ни злата, ни чести
Не будет. – Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. – А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целью одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

Ночь. III

Темно. Всё спит. Лишь только
жук ночной,
Жужжа, в долине пролетит по-
рой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь да-
лек.
Высоких лип стал пасмурней на-
вес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна
так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор,
у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят,
но не к луне;
Он полон всем, чем только яд
страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в кро-
ви!
Кто ж он? кто ж он, сей наруши-
тель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?

О, если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скры-
вать!
О, если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

Элегия

Дробись, дробись, волна ноч-
ная,
И пеной орошай брега в туманной
мгле.

Я здесь, стою близ моря на ска-
ле;

Стою, задумчивость питаю.
Один, покинув свет, и чуждый
для людей,
И никому тоски поверить не же-
лая.

Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь госте-
приимный;
Семья беспечная сидит вокруг
огонька

И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой сто-
лицы,

Веселий пагубных невозврати-
мый рой.

И что ж? – слеза бежит с рес-
ницы,
И сожаление мою тревожит
грудь,
Года погибшие являются всечас-
но;

И этот взор, задумчивый и яс-
ный –

Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу
напрасно!..

О, если б я в сем месте был рож-
ден,

Где не живет среди людей ковар-
ность:

Как много бы я был судьбою одол-
жен –

Теперь у ней нет прав на благо-
дарность!

Как жалок тот, чья младость
принесла

Морщину лишнюю для старого
чела

И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, – чтоб

чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал – и с страш-
ной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей
родной
Для добровольного изгнанья!

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Посвящение

Прими, прими мой грустный
труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал – не придут

Вновь эти слезы – вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет –
И нет надежд – передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.

1830. Майя. 16 число

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновен-
ный
Когда-нибудь увидел свет;

Хочу – и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушении! – Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти –
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К***

(Прочитав жизнь Байрона <написанную>
Муром)

Не думай, чтоб я был достоин со-
жаленья,
Хотя теперь слова мои печаль-
ны; – нет;

*Нет! все мои жестокие мученья –
Одно предчувствие гораздо боль-
ших бед.*

*Я молод; но кипят на сердце зву-
ки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же му-
ки;
О, если б одинаков был удел!..*

*Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я
душой,
Любил закат в горах, пенящиеся
воды
И бурь земных и бурь небес-
ных вой.*

*Как он, ищу спокойствия напрас-
но,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души
родной!*

1830 год. Июля 15-го

(М^{осква)}

Зачем семьи родной без-
вестный круг

Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим меч-
там.

Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них
змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талис-
ман.

Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! – боль старин-
ных ран
Из груди извлечет не речь,
но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счаст-
лив,
Когда лишь от любви мог слезы
лить.

Но эту грудь, страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли лю-
бить?

Страшусь, в объятья деву заклю-
чив,

Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший
от огня.

Но лучше я, чем для людей ка-
жусь,

Они в лице не могут чувств про-
честь;

И что молва кричит о мне... бо-
юсь! –

Когда б я знал, не мог бы пере-
нести.

Противу них во мне горит, кля-
нусь,

Не злоба, не презрение, не месть.

Но... для чего старались они

Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит – но вновь не будет прям,
как был.

Чтоб цепь их сбросить, я, подняв

главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. – Ныне жалкий, грустный
я живу
Без дружбы, без надежд, без дум,
без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной
луны,
Когда в окно скользит он вдоль
стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибе-
жав,
Я взял перо – и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привыч-
ных прав
Узнает вновь бульварный маске-
рад;
Сатиров я для помощи призвав,
Подговорю, – и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай ост-
ро;
Не то –...ко всем чертям твое пе-
ро!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный

остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу – и ты кричи «ду-
рак».
Не устоит бульварная семья –
Хоть морщи лоб, хотя сожми ку-
лак,
Невинная красотка в сорок лет –
Пятнадцати тебе всё нет
как нет!

И ты, мой старец с рыжим пари-
ком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жереб-
цом,
Как кровь ему из всех пуска-
ют жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сен-
тябрем,
Хоть там княжна лепечет:
как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** изви-
нить!..

Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;

Он как знаток глядит в лорнет
двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти
могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду
прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? – он прав, он прав, дру-
зья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете
быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы лю-
бить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может го-
ворить,
Что он вкушал до капли мед зем-
ной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! – опять к своим стра-
стям!
Брось, брось свои безумные меч-
ты!

Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать
всё вам?

В наряде их нет милой простоты:
Всё так высоко, так взгроможде-
но,
Как бурю на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой бол-
товне,
Уста всегда сказать готовы: нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки порт-
рет;
Когда гляжу, то, право, жал-
ко мне,
Что вкус такой имеет модный
свет.
Ведь думают тенетом лент, ки-
сей,
Как зайчиков, поймать моих дру-
зей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом –
Но как божественна была она.

Уста и взор – стыжусь! в уме мо-
ем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих но-
чей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло
с тех пор!..
О верьте мне, красавицы Москвы,
Блестательный ваш головной
убор
Вскружить не в силах нашей голо-
вы.
Все платья, шляпы, букли ваши
вздор.
Такой же вздор, какой тверди-
те вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то пой-
мет
И сам Башуцкой объяснит тот-
час.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,

Хотя – что́ в нем, никто не разберет:

За вами ж хвост оставленных
мужьев,
Вздохателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чадуду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.
(Продолжение впродоль)

Нищий

*У врат обители святой
Стоял просящий подаюнья
Бедняк иссохший чуть живой
От глада, жажды и страданья.*

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

Ночь

*Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.*

*Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,*

Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет –
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет – с тех пор
Я всё любил – я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призра́к;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне, как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О Боже! вот что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне

кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

Смерть

Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под ок-
ном,
Быть может, завтра он забле-
щет надо мною,
Безжизненным, холодным мерт-
вецом;
Одна лишь дума в сердце опусте-
лом,
То мысль об ней. – О, далеко она,
И над моим недвижимым, блед-
ным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными
устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне беско-
нечной!..

Но ты! – О, пожалей о мне, краса моя!

*Никто не мог тебя любить,
как я,*

Так пламенно и так чистосердечно.

Русская песня

Клоками белый снег валится,

Что ж дева красная боится

С крыльца сойти

Воды снести?

Как поп, когда он гроб несет,

Так песнь метелица поет,

Играет,

И у тесовых у ворот

Дворовый пес всё цепь грызет

И лает...

Но не собаки лай печальный,

Не вой метели погребальный

Рождают страх

В ее глазах:

Недавно милый схоронён,

Бледней снегов предстанет он

И скажет:

«Ты изменила», – ей в лицо,

И ей заветное кольцо

Покажет.

Мой демон

*Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.*

*К ничтожным, хладным толкам
света*

*Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глощает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.*

*Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,*

*Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.*

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.*

1831

1831-го января

*Редуют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, –*

*Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,*

*Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объята,
Где счастья без обмана нет.*

1831-го июня 11 дня

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами
лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.*

*Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизньную иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы
иль любви,
Не походили на существ земных.*

О нет! всё было ад иль небо в них.

Холодной буквой трудно объяснить

*Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить*

Желание блаженства. Пыл страстей

*Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь*

*Хоть тень их перелить в другую
грудь.*

*Известность, слава, что они? –
а есть*

*У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,*

*И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! – неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал всё, что дар земной.*

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный
свет

Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни
вновь;

С моим названьем станут повто-
рять

Твое: на что им мертвых разлу-
чать?

К погибшим люди справедливы;
сын

Боготворит, что проклинал
отец.

Чтоб в этом убедиться, до седины
Дожить не нужно. Есть всему ко-
нец;

Не много долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью
их век

Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою долж-
на.

Так и ее созданья. Иногда,

На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслю иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

Тут был я счастлив... О, когда б
я мог
Забывать, что незабвенно! женский
взор!
Причину стольких слез, безумств,
тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, – и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних
дней.

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым

Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне
должна?
Зачем ей знать, что в нем заклю-
чено?
Огонь иль сумрак там – ей всё
равно.

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной
быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком
краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто го-
лос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, – по-
рок,

И вижу, я слабей любить не мог.

*Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виде-
нье сна.*

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! –
любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.*

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.*

*И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет нико-
гда*

Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце мо-
жет страсть
Иметь неограниченную власть.

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением ды-
ша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть мог-
ла
Составить счастье тысячи лю-
дей:
С такой душой ты бог или зло-
дей...

Как нравились всегда пусты-
ни мне.
Люблю я ветер меж нагих хол-
мов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь та-
бун,
И кровожадный тешится летун
Под синевою, и облако степей

Свободней как-то мчится и светлей.

*И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый
звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей
судьбе.*

*Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится
день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.*

*И сердце полно, полно прежних лет
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего ске-*

лет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой
портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства
больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск
очей,
Погаснувших от время и стра-
стей.

Что на земле прекрасней пира-
мид
Природы, этих гордых снеж-
ных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их по-
зор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вред-
но им.
Кто близ небес, тот не сражен
земным.

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон

И пред собой свободно гонит
пыль;
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,
Встречает взгляд березы две
иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

Так жизнь скучна, когда боре-
нья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цве-
те лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каж-
дый день
Бессмертным сделать бы желал,
как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту
грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то
коротка

И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – Жажда бы-
тия
Во мне сильнее страданий роко-
вых,
Хотя я презираю жизнь других.

Есть время – леденеет быст-
рый ум;
Есть сумерки души, когда пред-
мет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть
страшна.
Находишь корень мук в себе са-
мом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский
язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом
всё зло.
Лишь в человеке встретиться

могло

Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей
быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив род-
ной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять при-
дет
В другой залив, но там уж не най-
дет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибреж-
ных скал.

Я предузнал мой жребий, мой ко-

нец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Тво-
рец;
Но равнодушный мир не должен
знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

Все. Нет, не все: созданье есть од-
но,
Способное любить – хоть не ме-
ня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец моло-
дой,

Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит
вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

И мой курган! – любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость
есть
Во всем, что не сбылось, – есть
красоты
В таких картинах; только пере-
нести
Их на бумагу трудно: мысль силь-
на,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

Желание

Средниково. Вечер на бельведере. 29 июля.

*Зачем я не птица, не ворон
степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?*

*На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных
горах,
Их забвенный покоится прах.*

*На древней стене их наследствен-
ный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом
и щитом
И смахнул бы я пыль с них кры-
лом;*

*И арфы шотландской струну бы
задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуж-
ден,
Как раздался, так смолк-
нул бы он.*

Но тщетны мечты, бесполезны
мольбы

Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны
моей

Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных
бойцов

Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
душой...

О! зачем я не ворон степной?..

«Блистая пробегают облака...»

7-го августа. В деревне на холме; у забора.

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быст-
ротой.

И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо си-
дит

Под старую березой. Он молчит,
Но грудь его подьемлетя порой;
Но бледный лик меняет часто
цвет;

Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!

Он смотрит в даль: тут лес
пестреет, там
Поля и степи, там встречает
взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад
Цветет – надев могильный свой
наряд:
Поблекнувшие листья; жа-
лок мир!
В нем каждый средь толпы за-
быт и сир;
И люди все к ничтожеству спе-
шат, –
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей
других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел ска-
зать,
Что у груди своей она змею
Согрела. – «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслу-

шать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» Так
мечтал
Беспечный... но просить он неба
не желал!

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след

Умерших – но святых видений
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живет, его питает
Огнем язвительным своим.

Видение

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади – и мчал-
ся
Вдоль берега крутого Клязьмы.
Вечер
Погас уж на багряном небоскло-
не,
И месяц в облаках блистал
и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье – темно,
смутно
Являлося минувшее ему –
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным пред-
сказаньем.
Но верил он – одной своей любви.

Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник замечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро
Клязьма.
Как воротиться, не прижав
к устам
Пленительную руку, не слышав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет!
Он вздрогнул, натянул бразды,
толкнул
Коня – и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь – и ближе –
ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. – И на крыльцо
Соскакивает юноша – и входит

В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. – О! ко-
гда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безглас-
ный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. – Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался
из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно,
твердо,
Прыгнул в седло и поскакал
стремглав,
Как будто бы гналося вслед
за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и за-
плакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна –
так
Отчаянья свинцовая слеза,

Из сердца вырвавшись насильно,
может
Скатиться, – но очей не освежит!
К чему мне приписать виде-
нье это?
Ужели сон так близок может
быть
К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след
в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что
имеет
Влияние на сердце и судьбу.

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жиз-
нью;
И рядом с ней сидел в молча-
нье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;

И юноша спокойней, мни-
лось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры
девы
Блуждали по листам открытой
книги,
Но буквы все сливались под ни-
ми...
И сердце сильно билось – без при-
чины, –
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он
в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков от-
рывки,
И, с сжатою душой, не смел
вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы
этим
Не прекратить молчанья; так бо-
ялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был

любим,
И ты о том проведал лишь то-
гда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому ле-
стью
Все, все желанья девы легковер-
ной!

«УНЫЛЫЙ КОЛОКОЛА ЗВОН...»

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно
потрясает,
Обманутой душе моей напомина-
ет

И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробе-
жит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем
глубоко.

Я чувствую – судьба не умерт-
вит

Во мне возросший деятельный
гений;

Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных

наслаждений,

От истощительных страстей,
От языка ласкателей разврат-
ных

И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:

Холодный слушатель есть ка-
мень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного бла-
женства,

Он станет толковать,
что должно ощутить;

В простом не видя совершен-
ства,

Он не привык прекрасное це-
нить,
Как тот, кто в грудь втеснить
желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием
своим

И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную
свободу.

Воля

Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне Богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать – степь широкая,
А мой отец – небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах –
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, –
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой –
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,

*Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир – необъятное!*

«Прекрасны вы, поля земли родной...»

*Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее наро-
ды!..*

*Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пе-
леной,
И так она свежа, и так родня
с душой,
Как будто создана лишь для сво-
боды...*

*Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебри-
стый
И для страны порочной – слиш-
ком чистый,
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гря-*

да
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.

«Когда б в покорности незнания...»

Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свер-
шиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, –
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел неж-
ный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

Ангел

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных
духов
Под кущами райских садов,
О Боге Великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

«Ужасная судьба отца и сына...»

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника
иметь
На родине с названьем граждани-*

на!
Но ты свершил свой подвиг,
мой отец,
Постигнут ты желанною кончи-
ной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен
был конец
Того, кто был всех мук твоих при-
чиной!
Но ты простишь мне! я ль вино-
вен в том,
Что люди угасить в душе моей
хотели
Огонь божественный, от самой
колыбели
Горевший в ней, оправданный
Творцом?
Однако ж тщетны были их жела-
нья:
Мы не нашли вражды один в дру-
гом,
Хоть оба стали жертвою страда-
нья!
Не мне судить, виновен ты
иль нет, –
Ты светом осужден. Но что та-
кое свет?
Толпа людей, то злых, то благо-

склонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых кле-
вет.

Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт
землей;

Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни – вечность роко-
вая

Неизмеримою открылась глуби-
ной.

Ужели вовсе ты не сожалеешь ны-
не

О днях, потерянных в тревоге
и слезах?

О сумрачных, но вместе милых
днях,

Когда в душе искал ты, как в пу-
стыне,

Остатки прежних чувств и преж-
ние мечты?

Ужель теперь совсем меня не лю-
бишь ты?

О если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь вла-
чу мою;

Пускай на ней блаженства я

не знаю,
По крайней мере, я люблю!

Отрывок

Три ночи я провел без сна –
в тоске,
В молитве, на коленях – степь
и небо
Мне были храмом, алтарем кур-
ган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть челове-
ком,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю,
мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой
бранной!
О Боже! как? – одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех но-
чей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных
детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насиль-

но
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в миценье обратила всё,
Что в нем похоже было на лю-
бовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы
иль стыда;
Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час ме-
тели
Я сладость пил с ее волшеб-
ных уст,
Но для моих желаний мир был
пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто
взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них ро-
дился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его Творца;

Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть, на-
прасной
И бесполезной для страны род-
ной;
Но, как надежда, чистой и пре-
красной,
Как воля, сильной и святой.

Поле Бородина

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный

На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденюю весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,

На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил:
Но день достался нам дорожке!
В душе сказав: помилуй Боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

1830–1831

Подражание Байрону

*Не смейся, друг, над жертвою
страстей,
Венец терновый я сужден вла-
чить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой лю-
бить.
Как цепь гремит за узником,
за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.*

*Я вижу длинный ряд тяже-
лых лет,
А там людьми презренный гроб,
он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.*

*И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отве-
чать.
Увижу на руках ее дитя*

*И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает
вновь,
Что время не могло унести лю-
бовь!..*

Смерть

*Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора до-
мой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности,
ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни стра-
стей,
Ни горьких слез, ни славы, ни че-
стей;
Где вспоминанье спит глубоким
сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его гры-
зет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удоволь-
ствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,*

Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной
вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему стра-
дать
И столько же любить? Всесиль-
ный Бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых
дней,
Но только дальше, дальше от лю-
дей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной тол-
пою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души...
и что же? –
Души в них волн холодней!

Мой дом

*Мой дом везде, где есть небесный
свод,*

*Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни,
в нем живет,*

Но для поэта он не тесен.

*До самых звезд он кровлей достига-
ет,*

*И от одной стены к другой –
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.*

*Есть чувство правды в сердце че-
ловека,*

*Святое вечности зерно:
Пространство без границ, тече-
нье века*

Объемлет в краткий миг оно.

*И всемогущим мой прекрас-
ный дом*

*Для чувства этого построено,
И осужден страдать я долго
в нем,*

И в нем лишь буду я спокоен.

Стансы

Мне любить до могилы Творцом
суждено,

Но по воле того же Творца
Всё, что любит меня, то погиб-
нуть должно,

Иль, как я же, страдать до кон-
ца.

Моя воля надеждам противна
моим,

Я люблю и страшусь быть взаим-
но любим.

На пустынной скале незабудка
весной

Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь пролив-
ной,

И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней
не блестит,
Он ветром надломлен и градом
убит.

Так точно и я под ударом судьбы,

Как утес неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей
борьбы,

Если руку пожмет он мою;

Я не чувств, но поступков своих
властелин,
Я несчастлив пусть буду –
несчастлив один.

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробира-
ясь,
Оно кидает бледный, мерт-
вый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солн-
це,
Есть что-то схожее в прощаль-
ном взгляде
Великого светила с тайной гру-
стью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать
и видеть,
Не могут быть согреты им;
так точно
И сердце: в нем всё жив огонь,
но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен

вновь

*И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвер-
гать*

*Себя насмешкам и словам сомне-
нья?*

1832

«Люблю я цепи синих гор...»

*Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч,
И уступить всё медлит он
Луне – угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяца, две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.*

Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль среди степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

К*

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может,
те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! – прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга

Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться
всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, –
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку –
Безумец! – лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!

«Нет, я не Байрон, я другой...»

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром стран-
ник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,

Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!

К*

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь – верю – и довольно;
Кого, – ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожусь;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность
иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;

*Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.*

«Я жить хочу! хочу печали...»

*Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

«Смело верь тому, что вечно...»

*Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.*

*Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.*

*Всё на свете редко стало –
Есть надежды – счастья мало;
Не забвение разлука:
То – блаженство, это – мука.*

*Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?*

Желанье

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.*

*Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пушусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе*

*И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.*

*Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан, не умолкая,
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...*

К*

*Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои – они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят*

*В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..*

Два великана

*В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.*

*За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.*

*И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, –
И рукою дерзновенной
Хватать за вражеский венец.*

Но улыбкой роковую

*Русский витязь отвечал:
Посмотрел – тряхнул главою...
Ахнул дерзкий – и упал!*

*Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.*

«Она не гордой красотой...»

*Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос души проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.*

Парус

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, – он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

1836

Умиравший гладиатор

*I see before me the gladiator lie...
Byron[1]*

*Ликует буйный Рим... торже-
ственно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь, – без-
молвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его ко-
лена...*

И молит жалости напрасно мут-
ный взор:
Надменный временщик и льстец
его сенатор
Венчают похвалой победу и по-
зор...
Что знатным и толпе сражен-
ный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистан-
ный актер.

И кровь его течет – последние
мгновенья
Мелькают, – близок час... Вот луч
воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним
шумит Дунай...
И родина цветет... свободный
жизни край;
Он видит круг семьи, оставлен-
ный для брани,
Отца, простершего немеющие
длани,
Зовущего к себе опору дряхлых
дней...
Детей играющих – возлюбленных
детей.
Все ждут его назад с добычею

и славой...

Напрасно – жалкий раб, – он пал,
как зверь лесной

Бесчувственной толпы минут-
ною забавой...

Прости, развратный Рим, – про-
сти, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтате-
лей кумир,

К могиле клонишься бесславной
головою,

Измученный в борьбе сомнений
и страстей,

Без веры, без надежд – игралище
детей,

Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обра-
тил

С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполнен-
ную сил,

Которую давно для язвы просве-
щенья,

Для гордой роскоши беспечно ты
забыл:

Стараясь заглушить последние

*страданья,
Ты жадно слушаешь и песни ста-
рины
И рыцарских времен волшебные
преданья –
Насмешливых льстецов несбы-
точные сны.*

1837

Бородино

*«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»*

*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!*

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние кварти-
ры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй
к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак откры-
тый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,

*И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.*

*Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.*

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Отмищенья, государь, отмищенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возве-
стила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб Поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой ме-

сти,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... – он муче-
ний
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова-
вый,
На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый,
но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной си-
лой,
Сраженный, как и он, безжа-
лостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет завист-
ливый и душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и лас-
кам ложным,
Он, с юных лет постигнувший
людей?..

И прежний сняв венок – они венец
терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгнове-
нья
Коварным шепотом насмешли-
вых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой
мщенья,
С досадой тайною обманутых на-
дежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прослав-
ленных отцов,
Пятою рабскою поправшие об-
ломки
Игрую счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие
у трона,
Свободы, Геня и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,

*Пред вами суд и правда –
всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники
разврата!*

*Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете
к злословью:*

*Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью*

Поэта праведную кровь!

Ветка Палестины

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?*

*Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали*

Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний
зной

Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

*Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.*

«Когда волнуется желтеющая нива...»

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ве-
терка,
И прячется в саду малиновая сли-
ва
Под тенью сладостной зеленого
листка;*

*Когда, росой обрызганный души-
стой,
Румяным вечером иль утра в час
златой,
Из-под куста мне ландыш сереб-
ристый
Приветливо кивает головой;*

*Когда студеный ключ играет
по оврагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу*

*Про мирный край, откуда мчится
он, –*

*Тогда смиряется души моей тре-
вога,
Тогда расходятся морщины на че-
ле, –
И счастье я могу постигнуть
на земле,
И в небесах я вижу Бога...*

Молитва

*Я, Матерь Божия, ныне с молит-
вою
Пред Твоим образом, ярким сия-
нием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием,*

*Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодно-
го.*

Окружи счастьем душу достой-
ную,
Дай ей спутников, полных внима-
ния,
Молодость светлую, старость
покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу про-
щальному
В утро ли шумное, в ночь ли без-
гласную.
Ты воспрять пошли к ложу пе-
чальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

«Я не хочу, чтоб свет узнал...»

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст от-
чет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

«Спеша на север из далека...»

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владен-
ье,
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный

На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! – душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1838

Кинжал

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.*

*Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль
по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина
страданья.*

*И черные глаза, остановясь
на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном
огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.*

Ты дан мне в спутники, любви за-
лог немой,
И страннику в тебе пример
не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд ду-
шой,
Как ты, как ты, мой друг желез-
ный.

«Гляжу на будущность с боязнью...»

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;

Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

«СЛЫШУ ЛИ ГОЛОС ТВОЙ...»

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Дума

Печально я гляжу на наше поко-
ленье!
Его грядущее – иль пусто,
иль темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом,
И жизнь уж нас томит, как ров-
ный путь без цели,

Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равно-
душны,
В начале поприща мы вянем
без борьбы;
Перед опасностью позорно-мало-
душны,
И перед властью – презренные ра-
бы.

Так тощий плод, до времени со-
зрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец
осиротелый,
И час их красоты – его паде-
нья час!

Мы иссушили ум наукою бесплод-
ной,
Тая завистливо от ближних
и друзей
Надежды лучшие и голос благо-
родный

Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши насла-
ждения,

Но юных сил мы тем не сберег-
ли,
Из каждой радости, бояся пресы-
щенья,

Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искус-
ства

Восторгом сладостным наш ум
не шевелят;

Мы жадно бережем в груди оста-
ток чувства –

Зарытый скупостью и бесполез-
ный клад.

И ненавидим мы, и любим мы
случайно,

Ничем не жертвуя ни злобе,
ни любви,

И царствует в душе какой-то хо-
лод тайный,

Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные
забавы,

Их добросовестный, ребяческий
разврат;

И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабы-
той
Над миром мы пройдем без шума
и следа,
Не бросивши векам ни мысли пло-
довитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи
и гражданина,
Потомок оскорбит презритель-
ным стихом,
Насмешкой горькою обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.

Поэт

Отделкой золотой блистает мой
кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный
закал –
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он мно-

го лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резь-
ба
Нарядом чуждым и постыд-
ным.

Он взят за Тереком отважным
казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный
потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых
на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет
на стене –
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой

рукой

*Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...*

*В наш век изнеженный не так ли
ты, поэт,*

*Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, ко-
торой свет*

Внимал в немом благоговенье?

*Бывало, мерный звук твоих могу-
чих слов*

*Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша
для пиров,*

Как фимиам в часы молитвы.

*Твой стих, как Божий дух, носился
над толпой*

*И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне ве-
чевой,*

*Во дни торжеств и бед народ-
ных.*

Но скучен нам простой и гордый

твой язык,

*Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий
мир привык*

*Морщины прятать под румя-
ны...*

*Проснешься ль ты опять, осмеян-
ный пророк?*

*Иль никогда на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,*

*Покрытый ржавчиной презре-
нья?*

1839

«Ребенка милого рожденье...»

*Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый
стих.*

*Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!*

*Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;*

*Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херу-
вим!*

Пускай не знает он до срока

Ни мук любви, ни славы жадных дум;

Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;

Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,

И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

Три пальмы (Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской
земли

Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,

Журча, пробивался волною холодной,

Хранимый, под сенью зеленых листов,

От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли

Пылающей грудью ко влаге студе-
ной
Еще не склонялся под кущей зеле-
ной,
И стали уж сохнуть от знойных
лучей
Роскошные листья и звучный ру-
чей.

И стали три пальмы на Бога роп-
тать:
«На то ль мы родились, чтоб
здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цве-
ли мы,
Колеблемы вихрем и зноем пали-
мы,
Ничей благосклонный не радуя
взор?..
Не прав твой, о небо, святой при-
говор!»

И только замолкли – в дали голу-
бой
Столбом уж крутился песок зо-
лотой,
Звонков раздавались нестройные
звуки,

*Пестрели коврами покрытые вью-
ки,
И шел колыхаясь, как в море чел-
нок,
Верблюды за верблюдом, взрывая
песок.*

*Мотаясь висели меж твердых
горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подыма-
ли,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке накло-
ня,
Араб горячил вороного коня.*

*И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный
стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспор-
ядке;
И, с криком и свистом несясь
по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.*

Вот к пальмам подходит, шумя,

караван:

В тени их веселый раскинулся
стан.

Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неждан-
ных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю
упал,
По корням упругим топор засту-
чал,
И пали без жизни питомцы сто-
летий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра ог-
нем.

Когда же на запад умчался ту-
ман,
Урочный свой путь совершал ка-
раван;
И следом печальным на почве бес-
плодной
Виднелся лишь пепел седой и хо-
лодный;

*И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом раз-
несло.*

*И ныне всё дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремячим
ключом:*

*Напрасно пророка о тени он про-
сит –*

*Его лишь песок раскаленный зано-
сит,*

*Да коршун хохлатый, степной
нелюдим,*

*Добычу терзает и щиплет
над ним.*

Молитва

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

С души как бремя скатится,

Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Дары Терека

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,

Каспий стихнул, будто спит,
И опять ласкаясь Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?»

Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой
Колыхаяся всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Памяти А. И. Ордоевского

Я знал его: мы странствовали
с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям род-
ным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты слад-
кой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохнове-
ний,
Обманутых надежд и горьких со-
жалений!

Он был рожден для них, для тех
надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный –
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни

шумной,
И свет не пощадил – и Бог не спас!
Но до конца среди волнений труд-
ных,
В толпе людской и средь пустынь
безлюдных
В нем тихий пламень чувства
не угас:
Он сохранил и блеск лазурных
глаз,
И звонкий детский смех, и речь
живую,
И веру гордую в людей и жизнь
иную.

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным
сном;

И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших тебя не понял
ни единый...

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих послед-
них слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уно-
сит;
Куда они? зачем? откуда? – кто
их спросит...

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы
нежной...

Что за нужда? Пускай забудет
свет
Столь чуждое ему существова-
нье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье
синей степи –

И мрачных гор зубчатые хреб-
ты...
И вокруг твоей могилы неизвест-
ной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо
дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих вни-
мая,
А море Черное шумит не умол-
кая.

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

1-е января

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,*

*При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных
речей,*

*Мелькают образы бездушные лю-
дей,*

Приличьем стянутые маски,

*Когда касаются холодных рук мо-
их*

*С небрежной смелостью красавиц
городских*

*Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружась в их блеск
и суету,*

*Ласкаю я в душе старинную меч-
ту,*

Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удаст-
ся мне

Забыться, – памятью к недавней
старине

Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий бар-
ский дом

И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,

А за прудом село дымится –
и встают

Вдали туманы над полями.

В аллею темную вхожу я; сквозь
кусты

Глядит вечерний луч, и желтые
листья

Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж
грудь мою:

Я думаю об ней, я плачу и люблю,

Люблю мечты моей созданье

С глазами, полными лазурного ог-
ня,

С улыбкой розовой, как молодого

го дня

За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный
господин –

Я долгие часы просиживал один,

И память их жива поныне

Под бурей тягостных сомнений
и страстей,

Как свежий островок безвредно
среди морей

Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я
узнаю,

И шум толпы людской спугнет
мечту мою,

На праздник незванную гостью,

О, как мне хочется смутить весе-
лость их

И дерзко бросить им в глаза же-
лезный стих,

Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку
подать

В минуту душевной невзгоды...

*Желанья!.. что пользы напрасно
и вечно желать?..*

*А годы проходят – все лучшие
годы!*

*Любить... но кого же. на время –
не стоит труда,*

*А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там про-
шлого нет и следа:*

*И радость, и муки, и всё там ни-
чтожно...*

*Что страсти? – ведь рано
иль поздно их сладкий
недуг*

*Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с хо-
лодным вниманьем
вокруг, –*

Такая пустая и глупая шутка...

«Есть речи – значенье...»

*Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Журналист, читатель и писатель

*Les poètes ressemblent aux ours, qui se
nourrissent en suçant leur patte.*
Inédit[2]

(К)омната писателя; опущенные шторы.
Он сидит в больших креслах перед ками-
ном. Читатель, с сигарой, стоит спиной к ка-

мину. Журналист входит.)

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Да ничего...

Напрасно!

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;

Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К NN., неведомой красе, –
И страшно надоели все.

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш жур-
нал

(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перча-
ток...

Читаешь – сотни опечаток!
Стихи – такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом – сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? – перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад –
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?

А если и случилось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодую,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету –
А просто грязная вода.

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться –
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг;
Нагая резкость выраженья

Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус – всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, –
И всё зачем? – чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье.
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним Богом.

Всё это так, – да вот беда:
Не пишут эти господа.

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой

Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце – жадная тоска;
Дрожь холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подьем-
лет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется – и язык
Лепечет громко, без сознанья,

Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман –
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно ♦ черных
И ложно ♦ радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...

Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы зной-
ной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя
люблю,
И знаю: молодость цветущую
твою
Не пощадит молвы коварное гоне-
нье.
За каждый светлый день
иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты
судьбе.
Мне грустно... потому что весело

тебе.

Из Гете

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

Ребенку

*О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! – Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? – Увы! года ле-*

тят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ со-
хранили
В груди моей; тот взор, исполнен-
ный огня,
Всегда со мной. А ты, ты лю-
бишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные
ласки?
Не слишком часто ль я твои це-
лую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обо-
жгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою
печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему?
Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит
иль встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в ве-
черний час
Пред образом с тобой заботливо
склонясь,
Молитву детскую она тебе шеп-
тала
И в знаменье креста персты твои

сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, – скажи, те-
бя она
Ни за кого еще молиться не учи-
ла?
Бледнея, может быть, она произ-
носила
Название, теперь забытое то-
бой...
Не вспоминай его... Что имя? –
звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно оста-
лось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь,
случайно
Узнаешь ты его – ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не про-
кляни!

А. О. Смирновой

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;

Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу.
Что ж делать?.. Речью неискус-
ной
Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

Тучи

Тучки небесные, вечные странни-
ки!
Степью лазурною, цепью жем-
чужною
Мчитесь вы, будто как я же, из-
гнанники,
С милого севера в сторону юж-
ную.

Кто же вас гонит: судьбы ли ре-
шение?
Зависть ли тайная? злоба ль от-
крытая?
Или на вас тяготит преступле-
ние?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплод-
ные...

Чужды вам страсти и чужды
страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-
ния.

Валерик

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, Боже пра-
вый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разuverяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить

Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь
на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.

Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольнo сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,

Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу – дальний выстрел! Прожуж-
жала

Шальная пуля... славный звук...
Вот крик – и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? – что же капи-
тан?

Повозки выдвигайте живо!
«Савельич!» – «Ой ли?» – «Дай ог-
ниво!»

Подъем ударил барабан –
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,

Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке – два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет – где отваж-
ный?
Кто выдет с ним на смерт-
ный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке чер-
ной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... лег-
кий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. – Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кровожадного волнения,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз – это было под Гихами –
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в аръергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо – там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;

Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» – раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» – и смолкло. – «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна

Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. – Тащат в го-
ры.

Постойте – ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал Богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,

Им вслед смотрел <я> недвижимо.
Им вслед смотрел <я> недвижимо.

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: Жалкий человек.

Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,

Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» – «Тысяч до семи».
«А много горцы потеряли?»
«Как знать? – зачем вы не счита-
ли!»
«Да! будет, – кто-то тут ска-
зал, –
Им в память этот день крова-
вый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог

Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни
путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужде-
нье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть ма-
лость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судь-
бой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,

Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1841

Оправдание

*Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей,*

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,*

*Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, –*

*Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.*

*Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.*

Родина

*Люблю отчизну я, но странною
любовью!*

Не победит ее рассудок мой.

*Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные
преданья*

*Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.*

*Но я люблю – за что, не знаю
сам –*

*Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю ска-
кать в телеге*

*И, взором медленным пронзая но-
чи тень,*

*Встречать по сторонам, вздыхая
о ночлеге,*

*Дрожащие огни печальных дере-
вень;*

*Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз*

*И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.*

*С отрадой многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

«На севере диком стоит одиноко...»

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей всё, что в пустыне
далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт.*

Последнее новоселье

*Меж тем как Франция, среди ру-
коплесканий
И кликов радостных, встречает
хладный прах
Погибшего давно среди немых*

страданий

*В изгнание мрачном и в цепях;
Меж тем как мир услужливой
хвалою*

*Венчает позднего раскаянья по-
рыв*

*И вздорная толпа, довольная со-
бою,*

*Гордится, прошлое забыв, –
Негодование и чувству дав свобо-
ду,*

*Поняв тщеславие сих праздни-
чных забот,*

*Мне хочется сказать великому
народу:*

*Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, сла-
ва, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих
сомнений*

*Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лице-
мерья,*

*Из вольности – орудье палача,
И все заветные отцовские поверья*

*Ты им рубил, рубил сплеча, –
Ты погибал... и он явился, с стро-*

гим взором,
Отмеченный божественным пер-
стом,
И признан за вождя всеобщим
приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, –
И вы окрепли вновь в тени его дер-
жавы,
И мир трепещущий в безмолвии
взирал
На ризу чудную могущества и сла-
вы,
Которой вас он одевал.
Один – он был везде, холодный,
неизменный,
Отец седых дружин, любимый
сын молвы,
В степях египетских, у стен по-
корной Вены,
В снегах пылающей Москвы.

А вы что́ делали, скажите, в это
время,
Когда в полях чужих он гордо по-
гибал?
Вы потрясали власть избран-
ную, как бремя,
Точили в темноте кинжал!

Среди последних битв, отчаянных
усилий,

В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,

И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражда-
нина,

Разбитый свой венец он снял
и бросил сам,

И вам оставил он в залог родного
сына –

Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепя-
ми,

Героя увезли от плачущих дру-
жин,

И на чужой скале, за синими мо-
рями,

Забывший, он угас один –
Один, – замучен мщением бес-
плодным,

Безмолвною и гордою тоской –
И, как простой солдат, в плаще
своем походном

Зарыт наемною рукой...

Но годы протекли, и ветренное
племя

Кричит: «Подайте нам священ-
ный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жат-
вы семя,
Зароем мы в спасенных им сте-
нах!»
И возвратился он на родину;
безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся
и бегут
И в пышный гроб, среди столицы
шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успе-
хом!
И краткий свой восторг сменив
уже другим,
Гуляя, топчет их с самодоволь-
ным смехом
Толпа, дрожавшая пред ним.

И грустно мне, когда подумаю,
что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пу-
стыне
Так жадно, столько лет спокой-
ствия и сна!

И если дух вождя примчится
на свиданье
С гробницей новою, где прах его
лежит,
 Какое в нем негодование
 При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию
томимый,
О знойном острове, под небом
дальних стран,
Где сторожил его, как он непобе-
димый,
 Как он великий, океан!

«Графине Ростопчиной»

Я верю: под одной звездюю
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурю страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утёса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и том-
ный,
Свой бурный шум, свой блеск за-
емный
И ласки вечные свои.

Договор

Пускай толпа клеймит презре-
нием
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружись в веселье шум-

ном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в мор-
щине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою[3]
Был великий спор.
«Берегись! – сказал Казбеку
Седовласый Шат, –
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
«Не боюсь я Востока! –
Отвечал Казбек, –
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.

Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моем желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня!»

«Не хвались еще заране! –
Молвил старый Шат, –
Вот на Севере в тумане

Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батарей медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,

*Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.*

*И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку[4] на брови надвинул –
И навек затих.*

Сон

*В полдневный жар в долине Даге-
стана
С свинцом в груди лежал недви-
жим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.*

*Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые верши-
ны*

*И жгло меня – но спал я мерт-
вым сном.*

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цве-
тами,
Шел разговор веселый обо мне.*

*Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;*

*И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в доли-
не той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей стру-
ей.*

Тамара

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.*

В той башне высокой и тесной

Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Листок

Дубовый листок оторвался
от ветки родимой

*И в степь укатился, жестокою
бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя
и горя
И вот наконец докатился до Чер-
ного моря.*

*У Черного моря чинара стоит мо-
лодая;
С ней шепчется ветер, зеленые
ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются рай-
ские птицы;
Поют они песни про славу мор-
ской царь-девицы.*

*И странник прижался у корня чи-
нары высокой;
Приюта на время он молит
с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный ли-
сточек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчиз-
не суровой.*

*Один и без цели по свету ношуся
давно я,
Засох я без тени, увял я без сна*

и покоя.

Прими же пришельца меж ли-
стьев своих

изумрудных,

Немало я знаю рассказов мудре-
ных и чудных».

«На что мне тебя? – отвечает
младая чинара, –

Ты пылен и желт, – и сынам мо-
им свежим не пара.

Ты много видал – да к чему мне
твои небылицы?

Мой слух утомили давно уж
и райские птицы,

Иди себе дальше; о странник! те-
бя я не знаю!

Я солнцем любима, цвету
для него и блистаю;

По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,

И корни мои умывает холодное
море».

«Выхожу один я на дорогу...»

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь

блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном моги-
лы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни си-
лы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо
грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лелея,
Про любовь мне сладкий го-
лос пел,

*Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.*

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блиста-
нье:*

*Люблю в тебе я прошлое страда-
нье*

И молодость погибшую мою.

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взо-
ром:*

*Таинственным я занят разгово-
ром,*

Но не с тобой я сердцем говорю.

*Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты дру-
гие;*

*В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

Пророк

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я*

Страницы злобы и порока.

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;*

*Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

*Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!*

Смотрите ж, дети, на него:

*Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

Поэмы

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

*Ох, ты гой еси, царь Иван Васи-
льевич!
Про тебя нашу песню сложи-
ли мы,
Про твоего любимого опричника
Да про смелого купца, про Калаш-
никова;
Мы сложили ее на старин-
ный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебря-
ном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали – не наслушались.*

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствии свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови чер-
ные

И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты
небес
На младого голубя сизокрылого, –
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком –
Да не вздрогнул и тут молодой
боец.
Вот промолвил царь слово гроз-
ное –
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Ки-
рибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?
Когда всходит месяц – звезды ра-
дуются,
Что светлей им гулять по подне-
бесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...

*Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютин-
ной!..»*

*Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:*

*«Государь ты наш, Иван Васи-
льевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля цар-
ская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонит-
ся».*

*И сказал ему царь Иван Василье-
вич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручи-
ниться?
Не истерся ли твой парчевой каф-
тан?
Не измялась ли шапка соболиная?»*

Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархат-

ную,
Черным соболем отороченную, –
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любят, глядя, перешепты-
ваясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матуш-
ке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубуш-
ка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитрев-
ной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православ-
ный царь,
Одному по свету маяться,
Опустыли мне кони легкие,
Опустыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-
юсь?
Отпусти меня в степи приволж-
ские,
На житье на вольное, на казац-
кое.
Уж сложу я там буйную головуш-
ку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклю-
ет,

Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься – праздную свадьбу,
Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,

*Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианско-
му...*

*Ай, ребята, пойте – только гус-
ли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разуме-
йте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

*За прилавкою сидит молодой
купец,
Статный молодец Степан Пара-
монович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.*

*Отзвонили вечерню во святых
церквах;
За Кремлем горит заря туман-
ная;*

Набегают тучки на небо, –
Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостинный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высо-
кий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмит-
ревна?
А что детки мои любезные –
Чай, забегались, заигрались,

Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-
падъей,
Засветили свечу, сели ужинать, –
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть по-
шли –
Плачем плачут, всё не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на ули-
цу –
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилагается,
Замечает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью
хлопнули,
Потом слышит шаги торопли-
вые;
Обернулся, глядит, – сила крест-
ная! –
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шата-
лася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запрю я тебя за железный за-
мок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не виде-

ла,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И послышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки

И сказал мне так тихим шепотом:

«Что пужаешься, красная красавица?

*Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютинной...»*

*Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.*

И он стал меня целовать-ласкать,

*И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!*

*Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?*

*Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:*

*Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»*

И ласкал он меня, целовал меня;

На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бро-
силась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой пода-
рочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, –
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь те-
перь?

«Ты не дай меня, свою верную
жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне наде-
яться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой зем-

ле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонущке пропал без вести.
А меньшей мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалася.
Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,

Что лиха беда со мною приключи-
лася:

Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-
вич;

А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.

Уж как завтра будет кулач-
ный бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братьцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,

К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам вто-
рой отец;

Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,

А уж мы тебя, родного, не выда-
дим».

Ай, ребята, пойте – только гус-
ли стройте!

Ай, ребята, пейте – дело разуме-
йте!

Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

Над Москвой великой, златогла-
вою,

Над стеной кремлевской белока-
менной

Из-за дальних лесов, из-за си-
них гор,

По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,

Заря алая подымается;

Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчаты-
ми,

Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыба-
ется.

Уж зачем ты, алая заря, просыпа-
лася?

На какой ты радости разыграла-
ся?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, поте-
шиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебря-
ную,

Чистым золотом в кольцах спа-
янную,

Оцепили место в двадцать пять
сажень,

Для охотницкого бою, одиночно-
го.

И велел тогда царь Иван Василье-
вич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?

Вы потешьте царя нашего ба-

тюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь на-
градит;
А кто будет побит, тому Бог
простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бар-
хатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич проклика-
ли –
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались?
Так и быть, обещаюсь, для праздни-
ка,

Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего ба-
тюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе
стороны –
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозно-
му,
После белому Кремлю да святым
церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят при-
стально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду
служить,

Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, –
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний

снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал
мороз,
На раскрытых устах слово замер-
ло...

Вот молча оба расходятся, –
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашни-
кова,
И ударил его посередь груди –
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамоно-
вич;
На груди его широкой висел мед-
ный крест
Со святыми мощами из Киева, –
И погнулся крест и вдавился
в грудь;
Как роса из-под него кровь закапа-
ла;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбуди-
тся;
Постою за правду до последнева!»

Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень под-
рубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул
о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный
царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нѣхотя

Ты убил насмерть мово верного
слугу,
Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что – не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить –
и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей мило-
стью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по сове-
сти.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от се-
го же дня
По всему царству русскому широ-
кому

Торговать безданно, беспошлинно.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, –

А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
сы:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-
зывать;
Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церквѣ Божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашнико-
ва
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,

На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж Тульской, Рязанской, Вла-
димирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекре-
стится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песен-
ку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому

слава!

1837

Демон **(Восточная повесть)**

Часть I

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего*

Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья,
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья.
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алма-
за,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека

Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегающие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;

Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,

*Покрыта белою чадрой[5],
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.*

*Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем –
Звучит зурна[6], и льются вины –
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, – глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;*

И улыбаётся она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, жи-
вой.

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,

Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б – и вздохнул...

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался – и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;

В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забить? – забвенья не дал Бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи[7], – кругом она
Вся галуном обложена.

Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почитет в Боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.

Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! – что та-
кое?..
Привстав на звонких[8] стре-
менах,
Надвинув на брови папах[9],
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк – и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины –
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!

Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под Божьей тенью отдохнет...

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушивается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!

Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

На беззаботную семью
Как гром слетела Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!

Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неувимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья –
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!»

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным
словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,

Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, –
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл – ничто в сравне-
нье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,

*К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак,
ни свет!..*

Часть II

*«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Не мало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;*

Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но куда?..

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был – и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;

*В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.*

*Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И все ей в нем предлог мученью –
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед Божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух*

*Прикованный в пещере стонет!»
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...*

*Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит вдаль прилежным
оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами полными печали
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться –
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...*

.....
.....

Вечерней мглы покров воздуш-
ный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[10] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом

Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,

Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?

Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.

«Она моя! – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя!

Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,

*Здесь я владею и люблю!»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.*

.....

*О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Ты прекрасна!

Но молви, кто ты? отвечай...

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,*

Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай – из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, –
Я раб твой, – я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертные и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало
больно,
И страшно – розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч неждан-
ный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён.
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.

О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать,
всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только Божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из злата;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.

И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;

И в бездну падая с конем,
Напрасно звал – и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-
ний,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть – ждет правый суд.
Простить он может, хоть осу-
дит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!

Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пла-
мень.
То давит мысль мою, как ка-
мень –
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Против тебя ли?

Нас могут слышать!..

Мы одне.

А Бог!

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

А наказанье, муки ада?

Так что ж? Ты будешь там
со мной!

Кто б ни был ты, мой друг
случайный, –
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, – ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласка-
ешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь –
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Клянусь я первым днем творе-
нья,

Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящую разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьий мне подвласт-
ных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взгля-
дом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
нием,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,

Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое

Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных

Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное –
Люби меня!..

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,

Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой.

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалека

Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать

Ничто не в силах уж сорвать!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждый выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,

Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала

И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
ся
Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нёс в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,

И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая
К ним доносились – как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижа-
лась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, Боже! – кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца –
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомне-

нья! –
Посланник неба отвечал: –
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал –
И благо Божие решение!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви!»

И ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,

И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслужив-
ший

Когда во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывший в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,

Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

1829–1838

Мцыри

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

[11]

*Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как, удручен своим венцом,*

Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.

Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной

Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, –
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю

И о прощенье не молю.

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас –
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов: «отец»
и «мать».

Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, –
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой

Умру рабом и сиротой.

*Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.*

*Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живеи
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил – я также мог бы жить!*

*Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – Пышные поля,*

Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятая каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года –
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег –
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему

Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей

Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,

Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

Бежал я долго, – где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и, наконец, устал,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,

Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятн был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,

Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,

опять.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг – голос – легкий шум ша-

гов...

Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной

Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой:
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог, – мне было б жаль;
Вспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть –
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объявля жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе – и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой

Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тем-
ный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость –
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...

Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный,
как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,

И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг.
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;

Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,

Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал – это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине –
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чуждой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? – напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву

Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивался кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары

Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать – передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать – язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Каза-
лось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед, холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, –
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...

И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни! постель твоя мягка.
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века

Под говор чудных снов.

О милый мой, не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

Прощай, отец... дай руку мне:

Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай
в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать –
Ты перенесешь меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня

Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне при-
шлет,
Пришлет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

Сноски

1

Я вижу перед собой лежащего гладиатора...
Байрон (*англ.*).

[^^^]

2

Поэты похожи на медведей, сытых тем,
что сосут лапу. Неизданное (фр.).

[^^^]

Шат – Елбрус. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

5

Покрывало. – Примеч. М. Ю. Лермонтова.

[^^^]

Вроде волынки. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

Верхняя одежда с откидными рукавами. –
Примеч. М. Ю. Лермонтова.

[^^^]

Стремена у грузин вродѣ башмаков из звонко-
го металла. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

Шапка, вроде ериванки. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

Чингур – род гитары. – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]

Мцыри – на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». – *Примеч. М. Ю. Лермонтова.*

[^^^]